

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СТРАХ» В РОМАНЕ-ПРИТЧЕ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»

В статье авторы рассматривают языковые средства реализации концепта «СТРАХ» посредством лексем, эксплицитно передающих данное эмоционально-психологическое состояние, а также при помощи лексических единиц, являющихся контекстуальными синонимами в рамках художественного произведения.

Ключевые слова: роман-притча, концепт «страх», «Повелитель мух», зверь (*beast / beastie*), темнота (*darkness*), лес (*forest*), контекстуальные синонимы, детская психология, теология, лексема, символ.

Роман-притча «Повелитель мух» (*Lord of the Flies*) – один из шедевров классической английской литературы второй половины двадцатого века, в основе сюжета которого лежит экзистенциализм (философия «жизни»). Первоначально произведение подверглось критике и серьезной цензуре со стороны литературного сообщества и издательств (Уильям Голдинг получил 21 отказ перед первой публикацией его рукописи), а также вызвало общественный резонанс из-за того, что самые темные стороны личности человека были изобличены посредством детей, чьи образы до этого считались воплощением невинности в художественной литературе [Крохмаль 2006: 201]. Кроме того, многие литературоведы того времени отметили, что фабула «Повелителя мух» – это «высмеивание» философии романа Роберта Баллантайна «Коралловый остров», в котором отражены принципы позитивистского рационализма [Безгина 2013: 258]. Именно по этим причинам произведение «Повелитель мух» вначале и не нашло признания у широкого круга читателей.

Уильям Голдинг в качестве инструмента для иллюстрации истинной человеческой сущности выбрал эмоции ужаса и страха, которые пробуждают все самое «темное», что есть в душе каждого человека. Писатель смог настолько достоверно передать все уровни страха индивида (в данном случае посредством группы

детей), что и сам реципиент начинает испытывать данное чувство. В связи с тем, что автор произведения при помощи символизма акцентирует внимание читателя на ментальной, духовной и психоэмоциональной деградации общества, литературные критики отнесли данный роман к такому художественному направлению, как психологический реализм. В словаре «The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory», автором которого является английский критик и историк Джон Антон Куддон, дается следующее определение данному литературному жанру: «A vague term to describe that kind of fiction which is for the most part concerned with the spiritual, emotional and mental lives of the characters and with the analysis of character rather than with the plot and the action» [Cuddon 1999: 709].

С целью изучить способы передачи страха в романе-притче «Повелитель мух», было принято решение изучить реализацию концепта «страх» («fear») в данном произведении. Концепт в рамках романа Уильяма Голдинга эксплицируется с помощью следующих языковых единиц: fear, beast, darkness, forest, fright, terror, awful, awe, afraid, apprehension, startled, intimidate, dismal [Строева, Кузнецов 2018: 103].

Изучаемый концепт имеет полевую структуру: ядро, приядерная зона, ближняя и дальняя периферия. При распределении лексем по зонам концепта мы использовали метод количественной выборки. Однако при распределении языковых единиц по зонам мы учитывали только те случаи употребления лексем, когда они использовались для обозначения эмоции страха. Поэтому такие слова, как *beast*, *darkness*, *forest* не образуют ядро концепта, хотя и встречаются в тексте чаще остальных эксплицируемых лексем.

Ядро концепта представлено лексемой «fear», которая на протяжении всего произведения используется 25 раз. Во всех случаях данное слово употребляется в прямом значении.

Выделение приядерной зоны обусловлено тем, что концепт является индивидуальным, поскольку он прошел через призму восприятия автора произведения, а также находится в искусственной среде, которая представлена романом-притчей «Повелитель Мух». Кроме того, рассматриваемый концепт формирует индиви-

дуальную составляющую художественной картины мира, поскольку он состоит из личностных оценок, эмоций, образов и ассоциаций.

В связи с этим мы полагаем, что приядерная зона концепта включает в себя слова, которые по смыслу являются контекстуальными синонимами для единицы «fear». К таким языковым единицам относятся следующие: *beast, darkness, forest*.

Лексема «beast» на протяжении всего текста встречается 111 раз, но только в 20 случаях она эксплицитно передает эмоцию страха. В остальных случаях слово отражает его результат (опредмечивание, убийство и т.д.). Примером опредмечивания страха будет являться страх малышей перед существом, называемым сначала змеей, потом зверьком (*beastie*), а потом опять змеей (*Tell us about the snake-thing. / – Now he says it was a beastie.*). Что касается убийств, то Саймона, к примеру, спутали со зверем в темноте и начали его жестоко избивать по причине того, что ребята испытывали животный страх (*a thing was crawling out of the forest. It came darkly, uncertainly. The shrill screaming that rose before the beast was like a pain. The beast stumbled into the horseshoe*).

Языковая единица «darkness» используется в тексте 44 раза, но в значении «страх» – 17 раз. Данное слово используется как в своем прямом значении, так и в качестве контекстуального синонима к *beast* (*soon the darkness was full of claws, full of the awful unknown and menace...*).

Что касается слова «forest», то оно используется в 100 случаях. В 85 случаях лексема употребляется в своем первоначальном значении. В остальных единица «forest» передает уровень страха детей посредством амплитуды движения деревьев (*the forest minutely vibrated... / Now the forest stirred, roared, flailed...*) [Строева, Кузнецов 2018: 102-104].

Помимо контекстуальных синонимов, в тексте также присутствуют и слова, являющиеся дублетными синонимами лексемы «страх». Данные языковые единицы составляют ближнюю и дальнюю периферии концепта «страх». В ходе лингвистического анализа нами были выделены такие языковые единицы, как *fright, terror, awful, awe, afraid, apprehension, startled, intimidate,*

dismal. Однако в рамках данного исследования они не представляли для нас интереса, поскольку мы подробно изучали только те лексемы, которые передают страх символично, имплицитно.

Наибольший интерес в плане репрезентации концепта «страх» представляет из себя слово «beast», которое является многозначным в произведении: оно описывает не только страх (внутренние и внешние его формы), но и используется для указания «жертвы» страха – Повелителя Мух (Вельзевула).

Рассмотрим несколько примеров. В качестве первого примера представлен диалог, в рамках которого «зверь» («beast») впервые упоминается в произведении:

- *He wants to know what you're going to do about the snake-thing.*
- *Tell us about the snake-thing.*
- *Now he says it was a beastie.*
- *Beastie?*
- *A snake-thing. Ever so big. He saw it <...> [Golding 2001: 27].*

Данный диалог вызывает интерес с двух позиций: теологической и психологической. В библейском пророчестве дьявол («Абсолютное зло») снисходит к людям то с неба, то из воды в образе зверей. Все данные библейские сюжеты соблюдены также и в романе, поскольку дети на протяжении всего произведения олицетворяли «зверя» то со змеей, то с морским монстром, то с мертвым парашютистом. Кроме того, названия глав также являются ссылками на библейские сюжеты (нисхождение «Зверя» (Вельзевула)): «Beast from Water» («Зверь выходит из вод») и «Beast from Air» («Зверь сходит с неба»). Уильям Голдинг, будучи разочарованным в обществе после Второй мировой войны, воплотил данный сюжет в своем произведении для того, чтобы показать общество «поглощенное тьмой».

Разрозненность ответов малыша указывает на то, что зверя, о котором он говорит, не существует, так как его описание постоянно меняется. Следовательно, с позиции детской психологии можно сделать вывод о том, что малыш воплотил свой страх в образе змеи, которую он боится. В свою очередь, использование лексемы «beastie» обусловлено тем, что ребенок не испытывает сильного страха.

Подтверждением того, что зверь, упоминаемый малышом, является его опредмечиваемым страхом, служит следующий пример, в котором самый умный и рациональный мальчик Хрюша дает точное описание этого «зверя».

– *The thing is – fear can't hurt you any more than a dream. There aren't any beasts to be afraid of on this island <...>* [Golding 2001: 71].

Данная реплика принадлежит одному из немногочисленных героев романа, не подвергшегося влиянию «зверя» (страха). Как видно из примера, герой ясно понимает первопричину появления «монстра» на острове и то, что он из себя представляет. Это связано с тем, что ребята повзрослее пытаются рационально обосновать каждое явление окружающей их действительности, в то время как малыши способны только ее мистифицировать ввиду своего возраста и определенной степени развития. К сожалению, истину о «звере» постигли только 3 персонажа: лидер-неудачник Ральф, святой искупитель Саймон и прагматичный и самоуверенный рационалист Хрюша (в некоторых вариациях перевода «Толстый»). Ценой истины для двух героев стали их жизни. Третьего спасла случайность (мимо проходящий корабль).

Еще одной лексемой, имплицитно репрезентирующей концепт «страх», является единица «тьма» («darkness»). Рассмотрим несколько примеров:

The twins shared their identical laughter, then remembered the darkness and other things and glanced round uneasily <...> [Golding 2001: 85]

В приведенном предложении иллюстрируется то, как малейшее упоминание или сама мысль о темноте вводит детей в состояние ужаса и опасности. Упомянутое состояние в примере усиливается и за счет того, что ночью ребята встретили «зверя» (труп парашютиста запутавшегося в ветках дерева), поэтому темнота у ребят начинает ассоциироваться с появлением зверя, который их может убить. Следует отметить, что до этого времени темнота не пугала ребят, поэтому можно предположить, что с момента появления трупа парашютиста на острове слово «darkness» стало служить средством имплицитной реализации концепта «страх».

Приведем еще один пример реализации концепта «страх» посредством лексемы «darkness»:

Soon the darkness was full of claws, full of the awful unknown and menace <...> [Golding 2001: 87]

Перед нами пример, в котором темнота («darkness») представлена неким абстрактным существом, которое может причинить не только ментальный, но и физический вред, т.е., объектом, вызывающим страх. Это связано с тем, что на данном этапе повествования романа детский страх можно классифицировать как острый воображаемый патологический страх, который имеет драматические формы выражения (животный страх, бешенство и т.д.). Итогом такого развития страха является атавизм (проявление племенного сознания), повлекший за собой постепенное уничтожение всего живого (и детей, и острова в целом).

При изучении репрезентантов концепта «страх» была также выделена такая языковая единица, как «лес» («forest»). Используя образ леса, Голдинг имплицитно передает внутренний испуг детей. Прийти к такому выводу можно, изучив произведение полностью, поскольку с развитием сюжета (и повышением уровня тревожности ребят) лес становится все свирепее и свирепее. Для того, чтобы наглядно продемонстрировать связь между лесом и внутренним страхом детей приведем два примера. Рассмотрим первый пример:

Ralph peered into the darkness under the trees. The forest minutely vibrated... [Golding 2001: 19]

Данная пара предложений интересна тем, что два репрезентанта концепта «страх» («fear») «темнота» («darkness») и «лес» («forest») дополняют друг друга, создавая при этом целостный образ небольшого испуга. Лексема «darkness» является раздражителем / возбудителем эмоции, а «forest» – отражением внутреннего состояния героя. Вглядываясь в кромешную тьму, Ральф на мгновение испытывает испуг ввиду того, что там скрывается неизведанное. Такое сочетание, как неизвестность и темнота с позиции детской психологии вызывает у ребенка страх и испуг, поскольку в детском фольклоре дети часто пугаются темноты или ночи, в которой существует зверь, который может причинить боль (в большинстве случаев это серенький волчок или другой зверек,

который может укусить за бочок и который является некой аналогией «beastie» в рамках нашего исследования). Смягчающим обстоятельством в данном случае является тот факт, что на улице день. И именно поэтому лес всего лишь слегка вздрагивает.

В качестве примера репрезентации сильной степени страха рассмотрим следующее предложение:

Now the forest stirred, roared, flailed...Ralph spread his arms.

– All ours.

They laughed and tumbled and shouted on the mountain.

– I'm hungry.

When Simon mentioned his hunger the others became aware of theirs. [Golding 2001: 22]

В данном примере лес просто «разрывается» на части, тем самым проецируя то, что испытывают ребята в душе в момент повествования. Прочитав данный отрывок при первом знакомстве с произведением, читатель не увидит символизма, так как никаких отсылок к нему нет. Впервые о данном явлении можно задуматься только тогда, когда один из малышей на собрании сбивчиво рассказывает о «змее». Только с этого момента реципиент начинает понимать функцию описания леса в произведении.

Рассматривая данный пример, отметим следующее: вербально дети выражают радость по поводу того, что весь остров их; в то же время язык жестов Ральфа говорит о том, что он испытывает сожаление и бессилие. Бессилие Ральфа обусловлено его постоянным страхом из-за того, что он не сможет справиться с группой. Осознание того, что помощи ждать не от кого пробуждает внутри него сильный страх, который визуализирован лесом, поэтому выражение Марка Тулия Цицерона «Imago animi vultus est» («Лицо есть зеркало души») в рамках нашего исследования можно трансформировать следующим образом: «Лес есть зеркало страха».

Подводя итоги, отметим то, что символическая реализация концепта «страх» придает произведению многогранность, поскольку каждый индивид воспринимает и анализирует информацию по-разному. В связи с этим появляется огромное количество интерпретаций страха в романе-притче «Повелитель мух»: с позиции психологии страх воспринимается как форма защиты от окружающей действительности; с позиции религии, страх – это

обличие Вельзевула, которое «погубило» детские души. Кроме того, символизм страха Уильяма Голдинга в произведении «Повелитель мух» позволяет передать данную эмоцию не только эксплицитно (посредством таких лексем, как *fright, terror, awful, awe, afraid, apprehension, startled, intimidate, dismal*), но и имплицитно (при помощи таких языковых единиц, как *beast, forest, darkness*).

Библиографический список

1. Безгина Е.Д. Английский роман-притча XX в. И его прецедентный текст (на материале романов К.С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» и У. Голдинга «Повелитель мух») // Актуальные вопросы филологической науки XXI: сб. статей по мат. III Всеросс. Науч. Конф. Молодых учёных с международным участием. – Екатеринбург: изд-во УРФУ, 2013. – С. 258-268.
2. Крохмаль А.П. Хронотоп в романе-притче У. Голдинга «Повелитель мух» // Вестник Самарского университета. 2006. №8 (48). – С. 201-207.
3. Строева Ю.Ю., Кузнецов Р.А. Лексикализация концепта «страх» в романе У. Голдинга «Повелитель мух» // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. – Донецк: Дон НУ, 2018. – С. 102-105.
4. Cuddon J.A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. 3 ed. London: Penguin Books, 1998. – P. 709.

Источники

1. Golding W.G. Lord of the Flies. 1 ed. New York: Penguin Books, 2001. – 182 p.

V.D. Shevchenko, R.A. Kuznetsov (Russia, Samara)

SYMBOLISM OF THE “FEAR” CONCEPT IN THE PARABEL-NOVEL BY WILLIAM GOLDING “LORD OF THE FLIES”

In the present paper the author considers the topic of expressing fear through lexemes both directly explicating this emotion and being contextual synonyms within a single literary work (text concept).

Key words: *parable-novel, “fear” concept, “Lord of the Flies”, contextual synonyms, child psychology, symbolism.*